

3. Кокаре Э.Я. Комплексный анализ народной песни // Фольклор. Песенное наследие. АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М.Горького.— М.: Наука, 1991.— С. 27-29.
4. Народна лірика. Українські пісні.— Київ: Мистецтво, 1982.— 223 с.
5. Панасенко Н.И. Некоторые аспекты образной концепции мира в шуточной украинской народной песне // Наукове видання «Мова і культура».— Київ: Видавничий Будинок Дмитра Бураго, 2002 (в печати).
6. Панасенко Н.И. Украинская и американская лирическая народная песня: два мира – две судьбы // Наукове видання «Мова і культура».— Вип. 2.— Т.1.— Київ: Видавничий Будинок Дмитра Бураго, 2000.— С. 107-115.
7. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха.— Санкт-Петербург: Алетейя, 1997.— 287 с.
8. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике.— Вип. 10.— М.: Прогресс. 1982.— С. 369-495.
9. Internet Sight <http://crydee.sai.msu.ru/public/lyrics/es-uwp/folk/>.
10. Kingman D. American Music. A Panorama. New York: Simon and Schuster Macmillan. 1990. 684 p.

Поступило в редакцию 25.03.2002 г.

Рудяков А.Н.

(Симферополь, Украина)

ЦЕННОСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ МИКРОПОЛЯ ВАРИАНТОВ СЕМАНТЕМЫ В УСЛОВИЯХ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Существование вариантных способов выражения языкового понятия является следствием воздействия социума, в «среде» – метасистеме которого язык существует в качестве составной части, подсистемы, важнейшей составляющей.

Основное требование «среды» заключается в том, что язык должен предоставлять средства экспликации языкового понятия для любой мыслимой (и немислимой) ситуации номинации. Опыт показывает, что пользователи языка никогда не удовлетворяются одним, универсальным способом выражения мысли.

Бытие множества вариантов семантемы [3] есть следствие бытия множества ситуаций, в которых функционально-семантическая единица языка должна быть реализована. Многообразный и меняющийся мир требует чрезвычайно гибкой системы средств его именованя.

В сфере функционально-номинативных единиц воздействие «среды» проявляется в форме типических состояний «среды» – в форме множества позиций, требующих использования того или иного способа экспликации сигнификата.

Каждый вариант выражения языкового понятия – слово или словосочетание – характеризуется возможностью применения в определенном круге позиций, исходя из чего и определяется его статус в микрополе вариантов семантемы. Это системное по своей сути качество можно определить как коммуникативную пригодность варианта, как меру его применимости для осуществления коммуникативных целей носителя языка.

Части микрополя вариантов семантемы – центр, ядро, периферия – это ценностные по своей сути объединения.

Рассмотрим, каким образом изменяется структура микрополя вариантов семантемы в условиях межъязыковой коммуникации.

Позицию центра занимает о с н о в н о й в а р и а н т семантемы. Для носителя языка основной вариант – наиболее очевидное и естественное средство экспликации языкового понятия. Основной вариант семантемы для языкового коллектива является главным средством ее хранения и выражения.

Показателен тот факт, что отсутствие слова в качестве основного варианта конкретного языкового понятия осознается носителями языка как лакуна, требующая (при условии существования коллективной потребности) заполнения посредством использования словообразовательных механизмов языка или заимствования. Заполненность или незаполненность позиции основного варианта – один из важных параметров контрастивных описаний лексики.

Вместе с тем следует отметить, что отсутствие слова в позиции центра микрополя вариантов семантемы не означает, что эта семантема не существует в «картине мира». Включенность семантемы в иерархию языковых понятий предполагает ее осознанность социалемой, следовательно, существование некоего способа выражения. Заполненность позиции центра микрополя – свидетельство актуальности данной семантемы для языкового коллектива. Наблюдения над фактическим материалом показывают, что основной вариант микрополя всегда стилистически нейтрален.

Ядерную зону микрополя вариантов семантемы формируют стилистически маркированные номинативные единицы и устойчивые словосочетания. Свободные словосочетания, неологизмы, просторечные и специальные слова составляют периферийную зону, в пределах которой выделяется область «собственно периферии» – своего рода балласта и одновременно арсенала микрополя, формируемая устаревшими и нелитературными способами экспликации языкового понятия. В качестве примера рассмотрим микрополе вариантов русской семантемы «спортсмен-бегун на средние дистанции»:

центр: ...

ядро: средневик *разг.*, бегун-средневик, легкостлет-средневик, бегун на средние дистанции и подобные;

периферия: тот, кто бежит на средние дистанции; бегун, специализирующийся в беге на средние дистанции, и др.;

собственно периферия: миттельштреккер (результат неудавшейся попытки заполнить позицию центра микрополя путем заимствования; по данным Збигнева Буляжа, слово активно использовалось в спортивной литературе в 50-60 гг. нашего века [2]).

В контексте интереса к лексическому обеспечению межъязыковой коммуникации рассмотрим вопрос о переходе из собственно периферийной зоны в зону ядра или периферии слов, смыслы которых характеризуются так называемыми коллективоцентристскими семами [3].

В существующих типологиях сем разграничиваются, как правило, два основных их вида – денотативные и коннотативные. Анализ языкового материала, однако, показывает, что, наряду с названными, существуют семы, для именованья которых в наших работах мы используем термины коллективоцентристские семы, или «мы-семмы».

Их специфика раскрывается посредством обращения к концепции «человек в языке» Эмиля Бенвениста, который открыл фундаментальное свойство естественного языка, заключающееся в непосредственной соотнесенности языковой системы с

говорящим индивидом. По Бенвенисту, основной опорной точкой субъективности в языке являются личные местоимения: «От этих местоимений в свою очередь зависят другие классы местоимений, разделяющие тот же статус. Таковы указатели дейксиса. указательные местоимения, наречия, прилагательные. Они организуют пространственные и временные отношения вокруг субъекта, принятого за ориентир: это, здесь, теперь, и их различные корреляты – то, вчера, в прошлом году, завтра и т.д. Они имеют одну общую черту – все они определяются только по отношению к единовременному акту речи, в котором они производятся, то есть все они находятся в зависимости от я, высказывающегося в данном акте» [1, с.269].

Бенвенист не единственный лингвист, обративший внимание на данный языковой феномен. По-разному названные, «субъективные единицы» встречаются во многих логических и лингвистических концепциях. Это «шифтеры» О. Есперсена и Р. Якобсона, эгоцентрические спецификаторы Б. Рассела, индикаторные слова У.В.О. Куайна, эгоцентрические слова Ю.С. Степанова, локализаторы известного физика Рене Тома: «Описание пространственно-временного процесса многое теряет, если область его реализации не локализована по отношению к общей пространственно-временной области лиц, находящихся в коммуникации. Поэтому фраза содержит обычно «локализаторы», указывающие, хотя бы качественно, пространственно-временной носитель процесса. К локализаторам относят обычно: 1) наречия места и времени...2) времена глагола...3) артикли, личные местоимения, местоимения, связывающие актанты данной фразы с актантами предыдущих фраз» [4, с.215-216].

Все перечисленные единицы отличаются от «нормальных» языковых единиц своей ориентированностью на систему координат «я – здесь – сейчас». Оставляя в стороне прагматическую сторону этой проблемы, отметим, что нас интересует вопрос о роли «я» носителя языка в формировании языковых понятий.

Блестящим примером такого исследовательского видения может служить определение прямой линии, данное Л.В. Щербой, показавшим принципиальный антропоцентризм значения этого словосочетания: «Прямая (линия) определяется в геометрии как кратчайшее расстояние между двумя точками. Но в литературном языке это, очевидно, не так. Я думаю, что прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)... В основе наших обывательских понятий право, направо, налево лежит, я думаю, линия нашего взгляда, когда мы смотрим перед собой» [5, с.100].

Только ли говорящий индивид является субъектом антропоцентрического структурирования универсума? Правомочность такого вопроса обусловлена, во-первых, содержанием категории субъекта в философии, которое включает не только индивида, но и социальную группу и человечество. Во-вторых, заподозрить неединственность «я» в этом качестве заставляет то обстоятельство, что индивид есть всего лишь одна из трех форм существования Человека, наряду с коллективом и человечеством. Естественно предположить, что, подобно тому как мир индивида организован по отношению к его «я», мир коллектива должен быть организован по отношению к «мы» его коллективного сознания, а мир человечества – по отношению к его глобальной субъективности.

Реальность присутствия в языковой семантике коллективного «мы» показывает анализ следующих языковых фактов.

Так, в частности, представляет интерес исследование семантики словосочетаний «мой пособник», «мой соумышленник». Непросто представить себе человека, который стал бы строить свою личностную систему ценностей и обозначать лиц, являющихся его помощниками и сотоварищами, посредством семем «пособник» и «соумышленник». Подобное возможно разве что в речи кающегося преступника. Какова же природа различий между «помощник», конечно же, возможным в аутореферентном употреблении: «мой помощник», – и «пособник»? Какой семантический признак различает пары семем «замысел» – «умысел», «инициатор» – «зачинщик», «собрат» – «сообщник», «разведчик» – «шпион», «восстание» – «мятеж»?

Не следует думать, что эти различия сводимы к негативной оценочности вторых членов перечисленных пар. Коннотация в данном случае не является дифференциальным признаком, она явно вторична.

Наблюдения над текстами и лингвистический эксперимент показывают, что применение одного из данных слов для обозначения известного денотата зависит от принадлежности субъекта речи к той или иной из противостоящих друг другу социальных групп. В случае же, если известна позиция самого говорящего, выбор одного из членов названных пар позволяет определить его отношение к обозначаемому лицу, событию, факту. Семантика рассматриваемых семем антропоцентрична, а точнее коллективоцентрична: они обозначают реалии, осознаваемые как противостоящие тому языковому коллективу, принадлежностью которого осознает себя субъект говорения.

«Главарь», «пособник», «умысел», «мятеж» отличаются от «вожака», «помощника», «замысла» и «восстания» тем, что с помощью этих семем выражается идея принадлежности обозначаемых ими реалий к социалеме, которая «против нас». В данном случае мы сталкиваемся с закрепленными в лексических значениях результатами ценностно-ориентационной деятельности языкового коллектива; деятельности, субъектом которой является коллективное «мы» социалемы.

Следует, вероятно, говорить о существовании трех субъектов языковой «концептуализации мира»: говорящего индивида, языкового коллектива и, наконец, человечества. Следует, вероятно, разграничивать антропоцентризм строения естественного – человеческого – языка, субъективность речи, а также коллективоцентризм «картины мира» естественного языка.

Местоимение «мы» может рассматриваться как средство именованного обладающего самосознанием языкового коллектива. Это «мы» формирует особого рода границы, пределы варьирования «возможных миров» говорящего индивида. «Сейчас» и «здесь» являющегося в конкретном речевом акте индивида всегда находятся в рамках региона и эпохи бытия социалемы. Иначе говоря, мир, организованный вокруг отражающего его «я», всегда ограничен посредством того «наше», которое интегрирует это «я».

По отношению к социалемному «мы» организуются пространственно-временные отношения. Точкой отсчета становится «наше» положение во времени и пространстве. Основу всего многообразия отношений конкретных вещей и явлений к «здесь-сейчас» социалеме образуют четыре инвариантных признака – четыре семы, которые мы называем «коллективоцентристскими», или «мы-семами»: `у нас`, `сейчас`, `не у нас`, `не сейчас`.

Коллективоцентристские семы могут характеризовать лишь отчетливо

денотативные значения, подверженные непосредственному воздействию внеязыковой действительности. Степень актуальности соответствующих семантем для носителя языка непосредственно зависит от современности/несовременности, «нашестьи»/«ненашестьи» отражаемой реалии. Существуют семантемы, которые в принципе не могут характеризоваться коллективноцентристскими семами: они занимают высокие уровни иерархии языковых понятий, обладают высоким гипнотическим потенциалом.

Очевидно, что слова, характеризующиеся семами «у нас», «сейчас», как правило, относятся к ядерной или периферийной зонам микрополя вариантов соответствующих семантем. Напротив, слова, смыслы которых содержат семы «не у нас», «не сейчас», принадлежат периферийной и собственно периферийной зонам. В условиях возникающих или возобновленных экзогlossных языковых ситуаций (как в современном Крыму), каузирующих интенсификацию межъязыковой коммуникации, семантическое содержание «у нас», «сейчас» расширяется, вбирая в себя многие элементы, которые ранее осознавались в качестве «не наших».

В этой связи и в контексте сегодняшних реалий Крыма представляет интерес исследование ряда лексических групп, в пределах которых происходят названные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
2. Буляж З. Функционально-семантический анализ русской спортивной лексики (легкая атлетика): Автореф. дис. канд-та филол. наук: 10.02.01/ Киевск. гос. ун-т. – Киев, 1989.
3. Рудяков А.Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. Симферополь: Таврия-Плюс, 1998.
4. Том Р. Топология и лингвистика // Успехи математических наук. – 1975. Т.30. – С.199-221.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

Поступило в редакцию 2.04.2002 г.

*Садвокасова З.Т.
(Алматы, Казахстан)*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ В КАЗАХСТАНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Образование независимых государств в начале 90-х годов ушедшего столетия поставило их руководство перед многочисленными проблемами. Одной из них явилось возрождение родного языка. Советские люди долго воспитывались на принципах лжеинтернационализма, результатом чего стало превалирование русско-национальной и оттеснение национальной культуры. В советском Казахстане все делалось для того, чтобы внедрить в сознание местного населения, что язык общения в республике может существовать только в виде русского языка. Такое отношение к языку коренной национальности начинается еще со времен колонизации территории Казахстана царской Россией. С установлением своего господства самодержавие во главу угла своей политики в национальной окраине ставило духовную экспансию. Была поставлена довольно сложная задача, чтобы киргизы не только не противились распространению